

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.9
ББК 67.51

В.А. Номоконов*, Г.Ф. Маслов**

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ: ОСТРАЯ СИТУАЦИЯ

Аннотация: Криминальная ситуация на Дальнем Востоке остаётся острой, хотя и претерпела качественные изменения. Иные по характеру организованные преступные формирования представляют сегодня основную опасность.

Ключевые слова: организованная преступная деятельность; Дальний Восток; преступные группировки.

V.A. Nomokonov, G.A. Maslov

ORGANIZED CRIME IN THE FAR EAST: CRITICAL SITUATION

Summary: The criminal situation in the Far East remains to be critical, although it has undergone qualitative changes. Criminal formations of other character are potentially dangerous today.

Key words: organized criminal activity; Far East; criminal groups.

1. Основные тенденции организованной преступности на Дальнем Востоке.

Ещё в 2001 году нами делался прогноз о будущих параметрах преступности на Дальнем Востоке, и он в целом оправдался.¹ В известных травмирующих условиях трансформации экономической и политической системы страны — в последние 20 лет — наш регион оказался одним из наиболее дискомфортных для населения и поэтому в буквальном смысле криминогенным.

Дальний Восток России — это обширная приграничная территория. Названные

территории имеют повышенный уровень криминализации, более того, находятся под значительным влиянием организованных преступных формирований.

Особо следует сказать и о мощном противодействии правоохранительным органам, организациям и гражданам со стороны преступных группировок, которые либо коррумпируют заинтересованных лиц, либо оказывают силовое воздействие. В целом можно констатировать усиление в регионе коррупционной смычки преступников и всех, кто призван с ними бороться. Согласно оперативной информации, сегодня депутаты законодательных собраний разного уровня, высокопоставленные чины МВД, ФСБ, таможни, органов прокуратуры не так уж редко находятся в прямом «деловом» контакте с лидерами преступных сообществ, помогая им организовывать контрабандные поставки морских биоресурсов, леса, металлов в Китай и Японию, автомобилей, контрафактной продукции из этих стран в Россию.

Криминальная ситуация на Дальнем Востоке и в Приморье сегодня остаётся достаточно острой. Большой резонанс имело вызывающее покушение на первого (в то время) вице-губернатора Приморского края С.А. Сопчука (2008 г.). По злой иро-

* **Виталий Анатольевич Номоконов** — доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской криминологической ассоциации, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Владивосток, Россия). E-mail: nomokonov@rambler.ru.

** **Григорий Фёдорович Маслов** — к.ю.н., доцент, заместитель директора Дальневосточного (г. Хабаровск) филиала Российской правовой академии Министрства юстиции Российской Федерации (Хабаровск, Россия). E-mail: maslovg@mail.ru.

© В.А. Номоконов, 2012

© Г.Ф. Маслов, 2012

¹ См. подробнее: *Номоконов В.А. Дальний Восток: преступность завтрашнего дня // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе. — Хабаровск, 2001. — С. 20—25.*

нии судьбы буквально на следующий день было совершено разбойное нападение на депутата Законодательного собрания Приморья А. Ермолаева прямо в его квартире. В этой связи вспоминаются и другие события минувших лет. Десять лет прошло со дня убийства в центре Москвы Магаданского губернатора В.И. Цветкова, столько же — со дня убийства дальневосточного пограничника, генерала В.И. Гамова (2002 г.). Вскоре последовали прекращение полномочий члена Совета Федерации от Приморья И.В. Иванова, поспешное бегство за границу нескольких депутатов приморского Законодательного собрания. Дальше случились внезапные отставки и привлечение к уголовной ответственности за различные должностные злоупотребления сразу нескольких вице-губернаторов Приморского края, мэра, экс-мэра и доброй половины вице-мэров Владивостока. Происходящее, по оценкам экспертов, стало свидетельством как глубины криминальной поражённости территории, так и вместе с тем, возможно, некоторой активизации борьбы с коррупционными проявлениями.

Правда, за последние 20 лет организованная преступность на Дальнем Востоке, как и в России в целом, претерпела серьёзную трансформацию. Стали единичными случаи заказных убийств, крупных уличных «разборок» среди конфликтующих преступных группировок. Но само явление никуда не делось. Оно продолжает доминировать в экономике, проникло на все этажи властных структур, сомкнулось с правоохранительными органами и продолжает «править бал» в повседневной общественной жизни.

Всё больше экспертов говорит о том, что главная проблема России — сплошная криминализация государства и общества, ставшая следствием сращивания правоохранительных органов и организованной преступности.²

² См., напр.: *Пастухов В.* Дорожная карта заблудившейся революции. URL: http://www.povaygazeta-vlad.ru/118/Politika/Dorozhnaya_kartazabludivshesheysyarevolutsii (дата обращения: 24.08.2012); *Смирнов С.* «Россия — виртуальное мафиозное государство» // *Ведомости.* — 2010. — 2 декабря.

Председатель Конституционного Суда РФ Валерий Зорькин в статье «Конституция против криминала» сделал вывод о возможности превращения России из криминализованного государства в государство криминальное. Разница, по мнению Ю.В. Голика, состоит в том, что в первом случае преступность становится системным явлением и успешно встраивается в систему государственной власти (что мы сегодня наблюдаем почти повсеместно), а во втором преступность превращается в системообразующий фактор и подчиняет себе государство.³ С этим утверждением следует согласиться.

В целом тенденции развития организованной преступности в России свидетельствуют как о тотальном коррупционном перерождении государства, так и переходе последнего в новое, «мафиозное» качество. В литературе отмечается, что за последние несколько десятилетий на международном уровне произошла целая серия политических и экономических преобразований, которые привели к зарождению так называемых «мафиозных государств». Речь идёт о странах, где традиционные понятия коррупции, организованной преступности и проникновения преступных групп в государственные институты не могут отразить всю сложность и масштабы явления.

Под т.н. мафиозными государствами понимаются не только страны, где царит коррупция, но и те, где отрасли экономики или даже целые регионы находятся в руках организованной преступности. Всё гораздо более опасно: это государства, которые сами контролируют и используют преступные группы для защиты национальных интересов и интересов правящей элиты.⁴

Не являются исключением и процессы, происходящие на Дальнем Востоке страны. Приведём свидетельство человека, который сегодня играет ключевую роль во властных структурах Дальнего Востока, являясь одновременно и полномочным представителем президента РФ и мини-

³ *Голик Ю.В.* После Кушёвки // *Независимая газета.* — 2011. — 3 ноября.

⁴ См. подробнее: *Наум М.* Мафиозные государства. URL: www.slate.fr (дата обращения: 24.08.2012).

стром нового «дальневосточного» министерства. Это — Виктор Ишаев: «Что касается проблем декриминализации основных отраслей экономики Дальнего Востока, то ... досадно, что, имея такую мощную ресурсную базу, мы тормозим развитие. Даже по официальным показателям около 1 млрд. долларов в рыбной отрасли сегодня воруются, в лесном комплексе примерно столько же, а раскрывается преступлений значительно меньше, ущерб не возмещается. То есть мы теряем миллиарды долларов».⁵

Коррупция, мошенничество и контрабанда — вот три кита, на которых традиционно держится экономическая и организованная преступность Дальнего Востока. За последнее время число преступлений в данной сфере, по мнению экспертов, меньше не стало, однако характер их совершения постепенно меняется.

По мнению начальника Главного управления МВД России по ДФО Е. Кужеля, дальневосточная преступность переживает сегодня своеобразную эволюцию. На протяжении последних 10 лет она становится более изощрённой, юридически грамотной и технически оснащённой, при этом «открытая агрессия» уходит на второй план.

Всё более активно проявляются не только межрегиональные, но и международные преступные сообщества, которые пытаются установить контроль над ведущими отраслями экономики региона, зачастую используя при этом коррупционные связи.

Целый криминальный «букет» сформировался в сфере борьбы с контрабандой. В 2011 году только сотрудниками Главного управления МВД РФ по ДФО было выявлено в целом по округу около 150 таких преступлений. Наибольший интерес дальневосточные контрабандисты традиционно проявляют к лесным и водным богатствам региона, при этом в последнее время наблюдается чёткая тенденция к сращиванию преступных группировок российского Дальнего Востока с зарубежным криминалитетом, а самыми частыми

фигурантами уголовных дел становятся граждане Китая.

Одним из наиболее серьёзных уголовных дел стало перекрытие крупного канала контрабанды ценных пород древесины на территорию КНР. Устойчивая трансграничная преступная группа, созданная в 2008 году, состояла из граждан России и Китая и действовала на территории Хабаровского края. По данным оперативников, сумма лесоматериалов, незаконно добытых и переправленных за три года в КНР, превысила 100 млн. рублей. Не снижаются и масштабы мошенничества. Укрывательство налогов, присвоение бюджетных средств и вымогательство — вот основной «инструментарий» региональных мошенников.⁶

На территории Приморского края, по данным УВД, в настоящее время действуют шесть преступных сообществ (ПС), из которых три имеют общеуголовную, а три — экономическую направленность. Общее число их участников — около 400 человек, из них 138 — в ПС общеуголовной направленности, 252 — экономической. Кроме того, в крае действуют 104 организованных преступных группы (ОПГ), из них 56 общеуголовной, а 48 — экономической направленности. Общая численность данных ОПГ — свыше 500 человек (262 — в ОПГ общеуголовной направленности и 317 — экономической). Наряду с ними активно функционируют этнические ОПГ.

Ситуация в Хабаровском крае будет рассмотрена ниже. Отдельного рассмотрения требует деятельность ОПГ в одной из наиболее валютоёмких сфер — лесной отрасли Дальнего Востока.

2. Нелегальный лесной бизнес Дальнего Востока.

Преступные группировки Дальневосточного региона наибольший интерес проявляют, по вполне понятным причинам, к самым доходным отраслям экономики — лесной, рыбной, золото- и алмазодобывающей. Самым лакомым куском для криминала в последние годы остаётся ле-

⁵ Сайт Федерального агентства по рыболовству. URL: <http://fish.gov.ru/presscentre/DocLib1/004853.aspx>. (дата обращения: 24.08.2012).

⁶ См.: Аленшико Г. Дальневосточная преступность переживает эволюцию // Дальневосточный капитал. — 2012. — № 1.

сопромышленный комплекс. Сейчас эта отрасль в стране считается третьей по масштабам оборота капитала после нефтяного и рыбного бизнеса.⁷ Дальневосточный федеральный округ занимает первое место в России по площади лесов и второе место (после Восточной Сибири) по запасу древесины.

По добыче леса третье место в стране и первое на Дальнем Востоке занимает Хабаровский край. Известно, что при этом значительная часть добытого уходит в тень криминального рынка. По экспертным оценкам, не менее трети всей древесины из России отправляется за границу нелегально. Число таких случаев за период с 2005 по 2007 год увеличилось вдвое. По мнению мировых экспертов, на земном шаре есть две «точки», где объём нелегальной заготовки древесины достиг катастрофического уровня — это африканский Камерун и российский Дальний Восток.⁸ Впрочем, официальные данные уполномоченных специальных органов долю нелегальных рубок сводят к 1–3 %, что вызывает сомнения экспертов.⁹

Анализ сложившейся ситуации в сфере лесопользования свидетельствует о высокой степени криминализации этой отрасли экономики. В ней, как полагают в МВД РФ, действует целое сообщество людей и структур, ориентированных на вывоз браконьерского леса, невозврат валютной выручки, легализацию денежных средств. Круглый лес для переработки закупался до последнего времени в нашей стране порой просто за наличные деньги у российских криминальных структур. При этом отечественные производственные мощности по лесопилению используются примерно на 30 %. Многие китайские коммерсанты выезжали непосредственно на заготовительные участки, чтобы на месте приобрести древесину за наличные деньги. Вокруг границ страны была развёр-

нута широкая сеть пунктов скупки, где по бросовым ценам через контрабандистов приобреталась незаконно заготовленная древесина. После повышения таможенных пошлин ситуация изменилась некардинально: расторопные дельцы мгновенно развернули широкую сеть т.н. лесопилок.

Суть их деятельности сводится лишь к созданию видимости производства древесины для последующей оперативной продажи за рубеж по льготным тарифам. Безусловно, таможенным органам хорошо известны все способы обмана, но в силу коррупционной составляющей эта преступная система продолжает работать.

В частности, не во всех случаях можно проверить влажность древесины, что позволяет вывозить лес сырой и не обработанный, а обрезная доска, упакованная в штабель, строгаются только с наружной стороны. Определение породы дерева тоже требует определённых навыков, а от «ошибок», как известно, никто не застрахован. В дополнение ко всему, невозможно соотнести объём вывозимой продукции с размерами законно добытой древесины по конкретному порубочному билету на конкретном участке лесного массива.

На наш взгляд, нелегальное лесопользование на Дальнем Востоке России имеет существенную специфику по сравнению с общероссийской и мировой ситуацией. Во-первых, оно приобрело черты широкомасштабного бизнеса. Во-вторых, названный бизнес имеет весьма сильное коррупционное сопровождение. В-третьих, в этом процессе велика роль организованных преступных группировок, которая, к сожалению, не отражается ни в соответствующей статистике, ни в материалах уголовных дел.

Подавляющая часть нелегального лесного бизнеса ориентирована на Китай. На складах, где хранится древесина, предназначенная для отправки в эту страну, часто учёт не ведётся, активно скупается ворованный лес, а документы на него предоставляются поддельные. Нелегальная древесина скупается китайскими предпринимателями за наличный расчёт, причём подделанные документы на неё могут быть целиком изготовлены в Китае. Мало того, многие лесоторговые компании

⁷ См.: Берестов Н. Криминальная инфляция // Российская газета / Приморский край. — 2008. — 22 января.

⁸ Лес в законе. Война «Тигра» со спрутом // Молодой Дальневосточник. — 2010. — 8 августа.

⁹ См. подробнее: Состояние и масштабы нелегального лесопользования в России. — М., 2010. — С. 5.

(свыше 110) и лесные биржи либо непосредственно, либо через подставных лиц принадлежат гражданам Китая. Идёт почти не прикрытая китайская экспансия на российский рынок.

Число зарегистрированных преступлений в главных «криминальных» отраслях — лесозаготовке, рыбной ловле и добыче драгметаллов, отметил в начале 2011 г. заместитель генерального прокурора РФ Ю. Гулягин, в последние годы неуклонно снижается. Он констатировал, что в данной сфере «ожидаемые результаты пока не достигнуты, и имеется немало упущений и недостатков». А это, по его мнению, «результат в первую очередь эпизодической или неудовлетворительной работы правоохранительных органов, неэффективной работы оперативных подразделений». В 2008 году, сообщил он, в области лесопользования на основании материалов оперативно-розыскных мероприятий было раскрыто около 700 преступлений, в 2009 — 600, в 2010 — всего 220. В сфере заготовки и реализации леса число зарегистрированных преступлений в 2009 г. снизилось на 11 %, а в 2010 г. — на 70 %. Примечательно, что при этом размеры причиняемого ущерба от экологических преступлений в сфере лесопользования, напротив, возрастают.¹⁰

К сожалению, ежегодно снижается и выявленная контрабанда леса. Так, правоохранительными органами Дальневосточного федерального округа в 2008 г. был выявлен 91 случай контрабанды леса и лесоматериалов, в 2009 — 79, в 2010 г. — лишь 26.

Существенную роль в нелегальном лесном бизнесе играют организованные преступные группировки. По данным МВД РФ, особенно велико их влияние в таких ведущих сферах экономики Дальнего Востока, как рыбная, лесная, золотодобывающая промышленность. С тех пор масштабы лесного криминального бизнеса только возросли.

Несколько лет назад нами была предпринята попытка выявить специфику

¹⁰ См.: *Сухаренко А.Н.* Теневая экономика Дальнего Востока: неутешительные итоги. URL: http://www.ojkum.ru/arc/lib/2011_03_17.pdf (дата обращения: 24.08.2012).

криминального рынка на Дальнем Востоке России. Известно, что организованная преступность проявляет обычно наибольший интерес к самым доходным сферам экономической деятельности. Как показал проведённый опрос практических работников, выступивших в роли экспертов,¹¹ основным направлением криминальных интересов организованной преступности в Дальневосточном федеральном округе на современном этапе остаётся незаконный оборот леса и лесоматериалов (так считают 85,6 % респондентов).

Интересные документы о масштабах незаконной вырубке леса в Дальневосточном регионе были опубликованы известным сайтом WikiLeaks. Документы касаются «лесной мафии» Приморского края и содержат данные о масштабах незаконной вырубке леса и, в частности, кедра. В докладе приводятся факты незаконного оформления таможенных документов, нападения на экологов, указываются объёмы нелегальных заготовок.

Как сообщается в документе, в условиях финансового экономического кризиса «лесная мафия» Приморья низкими ценами значительно сбивает стоимость деловой древесины на региональном рынке стран АТР, угрожая нормальному развитию лесной отрасли ряда стран.

С точки зрения нелегального лесного бизнеса одним из самых неблагополучных регионов России действительно можно считать Приморье. Этот нелегальный отлаженный механизм появился впервые в России именно в Приморье (в частности, в Дальнереченском и Красноармейском районах) в середине 1990-х годов. За прошедшее время он достиг огромных масштабов. На Приморский край приходится 66 % от общего объёма незаконно вырубленной древесины на территории федерального округа.¹² По оценкам самих

¹¹ Было опрошено 236 оперативных сотрудников краевой и районных (городских) прокуратур Приморского края (см. подробнее: *Номоконов В.А., Хренков О.В.* Криминальный рынок и его связи с организованной преступностью: особенности проявления на Дальнем Востоке // Преступность, криминология, криминологическая защита. — М., 2007. — С. 22–27).

¹² *Алексеев А.* Порубили все дубы на гробы // Владивосток. — 2001. — 11 мая.

лесозаготовителей, до 80 % древесины на складах Дальнереченска и Лесозаводска имеют незаконное происхождение. Масштабы хищений леса настолько велики, что сопоставимы с годовым бюджетом Приморского края. По подсчётам специалистов, древесина в Приморье 10 лет назад разворовывалась и вывозилась в соседние страны, прежде всего в Китай, на сумму не менее 200 млн. долларов. Для сравнения, весь бюджет Приморского края (в то время) был равен около 300 млн. долларов. В настоящее время годовой ущерб превышает 1,5 миллиарда рублей.¹³

Количество же официально зарегистрированных преступлений в лесной сфере Приморья имеет тенденцию снижения: в 2009 году их число сократилось на треть (с 689 в 2008 году до 475 в 2009 году). Ущерб же, напротив, возрос: в 2008 г. он составил около одного миллиарда 450 млн. руб., а в 2009 г. — уже свыше одного миллиарда 600 млн. руб. Судами края в 2009 году рассмотрено 107 уголовных дел названных категорий в отношении 143 лиц.¹⁴

Наибольший ущерб природе наносится организованными преступными группами. К сожалению, уровень раскрываемости организованных экономических преступлений остаётся очень низким. Так, из 1,5 тыс. выявленных за 3 года преступлений в лесной отрасли всего 2 (!) были квалифицированы как совершённые в составе преступных формирований. И это в то время, когда объёмы незаконного оборота древесины в регионе остаются на недопустимо высоком уровне.

Только в августе 2011 года в Дальнереченском районе чёрные лесорубы вырубали больше тысячи кубометров ценных пород древесины, что составляет примерно 100 гружённых под завязку «КамАЗов». Браконьеры на месте незаконных рубок обустроили целое поселение с комфортными бытовыми вагончиками и баней. Лагерь был оснащён радиостанциями

и средствами мобильной связи. Браконьеры вели свою разведку. Местные жители дежурили на основных дорогах, ведущих к месту вырубке леса. Если появлялась полицейская машина, сообщали об этом браконьерам. «Дежурным» платили по тысяче рублей в день.¹⁵

Большая часть незаконной вырубке осуществляется небольшими бригадами. Незаконные вырубщики обычно носят с собой оружие, пользуются современными пилами, которых не слышно уже на расстоянии более 10–12 метров, и расставляют охранников со спутниковыми телефонами, чтобы они могли предупредить о приближении непрошенных гостей. Когда брёвна доставляются на лесопилку, преступники легализируют свою продукцию, подкупая чиновников.

А. Бисмарк, представляющий некоммерческое Агентство экологических исследований (EIA), считает, что основные доходы оседают в руках китайских бизнесменов и мафиози. Определённая нагрузка ложится на леса Северо-Запада России, но основная проблема — это дальневосточный район, где мафия особенно жестока и сильна.

Российские инспекторы по охране леса признались, что они не в силах противостоять хорошо организованному и финансово обеспеченным группировкам. В тех редких случаях, когда удаётся кого-то арестовать за незаконную рубку, на следствие и судей сразу начинается серьёзное давление.¹⁶

В криминальный рынок леса активно вовлекаются и чиновники. В конце мая 2010 года начальник Управления лесным хозяйством Приморского края Пётр Диюк был временно отстранен от занимаемой должности на время проверки, которая была начата после выхода в телеэфир журналистского расследования — сюжета «Тёмный лес». На видеозаписи, снятой скрытой камерой, П. Диюк весьма откро-

¹³ Фесик А. Лес рубят — китайцы слетаются // Дальневосточный капитал. — 2001. — № 9.

¹⁴ Сегодня в прокуратуре Приморского края состоялось расширенное заседание коллегии // Прокуратура ПК. — 2010. — 22 апреля.

¹⁵ Давыденко А. В Приморье вырубают лесов больше всего в регионе // Комсомольская правда. — 2011. — 5 сентября.

¹⁶ См.: Алфонсо Дэниелс. Сибирским лесам угрожают нелегальные вырубки. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/lg/russia/2009/12/091204_dalnerechensk_logging.shtml. (дата обращения: 24.08.2012).

венно рассказывает о том, как воруют лес в Приморье.¹⁷

Наблюдается ещё одна тенденция в приграничных территориях Дальнего Востока: сращивание российских и китайских преступных групп, участники которых активно ищут безопасные каналы незаконного перемещения потребительских товаров и сырьевых ресурсов, совершенствуют способы уклонения от уплаты таможенных платежей и налогов. В преступную деятельность втягиваются государственные и муниципальные служащие, сотрудники различных правоохранительных органов.

Приморская древесина (причём практически любая), будучи распиленной, становится если не золотой, то всё равно, весьма доходной. Доказательство тому — немалое количество лесопилок, быстро расплодившихся по краю, особенно в лесных его районах. В одном Дальнереченском районе появилось более десятка таких мини-предприятий и на каждом пилится в среднем по 300 кубометров леса ежедневно.

По оценкам Амурского филиала WWF России, именно наличие лесопилок, владельцы которых скупают лес, подталкивает людей к нарушениям лесного законодательства. Возможность сбыта нелегально добытой древесины сводит на нет борьбу с незаконными рубками. Получив разрешение на заготовку дров, сельские жители передают (или продают) своё право третьим лицам, которые под видом заготовки дров проезжают на лесосеки и готовят деловую древесину, а владельцу договора достаётся денежная компенсация либо машина отходов с пилорамы.

С лета 2010 года незаконные порубки перестали относить к преступлениям экономической направленности, теперь этим занимается уголовный розыск. Трудно предположить, что оперативники угрозыска будут выявлять, откуда и как появился лес на пилораме, легально он заготовлен или нет.

¹⁷ См.: «Откровения» Петра Диюка обрушили на лесную отрасль Приморья повальные проверки. URL: [http:// ptr-vlad.ru/news/crime/ 31975-otkrovenija-petra-dijuk-obrushili-na-lesnuju.html](http://ptr-vlad.ru/news/crime/31975-otkrovenija-petra-dijuk-obrushili-na-lesnuju.html) (дата обращения: 24.08.2012).

Меняются краевые и районные власти, структура управления лесным хозяйством, а проблемы остаются. Кто возьмётся за их радикальное решение — никакой ясности нет.¹⁸

Остаётся справедливым вывод о том, что на фоне продолжающейся криминализации сферы лесопользования принимаемые правоохранительными органами меры по-прежнему пока ещё явно неадекватны складывающейся ситуации.

3. Организованная преступность Хабаровского края: современные тенденции.

За последние пятнадцать—двадцать лет организованная преступность на Дальнем Востоке России претерпела значительные качественные изменения, не имеющие прямого, непосредственного отражения в существующей системе учётов. Растёт ущерб от противоправной деятельности. Незаконный вывоз биоресурсов исчисляется миллионами тонн. Из бюджетов различных уровней утекают миллионы рублей. Всё чаще в СМИ освещаются случаи привлечения к уголовной ответственности чиновников высокого уровня. Всё это указывает на высокую активность организованных преступных формирований, сменивших тактику с вхождения во власть на экономическую деятельность.

Тем не менее «успехи» правоохранительных органов в борьбе с организованной преступностью Хабаровского края вызывают сомнения, а статистика больше свидетельствует об обратном.

Так, количество выявляемых преступных формирований сокращается из года в год, а общее количество преступников, входивших в состав четырёх банд и трёх преступных сообществ, если верить официальным отчётам, в 2011 году не превысил и пятнадцати человек. Предположить такую победу над дальневосточным «спрутом» десять—пятнадцать лет тому назад было бы невозможно, если учесть, что разговор идёт о Хабаровском крае, родине дальневосточного воровского общака, субъекте Российской Федерации, где десятки лет назад пустили глубокие корни

¹⁸ Лес рубят — баксы летят // Московский комсомолец во Владивостоке. — 2011. — 14 апреля.

азербайджанское, чечено-ингушское и китайское преступные сообщества, а также многочисленные группировки, состоящие из спортсменов, промышлявших рэккетом, криминальным автобизнесом и разбоями на дорогах.

Если всё же поверить статистике, то, с учётом стойких тенденций уменьшения количества регистрируемых преступлений и выявляемых преступников, через десять лет на весь Хабаровский край будет регистрироваться менее 3000 преступлений, против нынешних 27 000 и 60 600 возбуждённых в 2007 году. «Прогресс» последних пяти лет просто колоссален!

Что же случилось с «дальневосточной мафией» и насколько актуальна теперь проблема борьбы с организованной преступностью в частности и с преступностью в целом? Вопрос не праздный, поскольку требует адекватного сокращения подразделений криминальной полиции и наружных служб ввиду их ненужности. Дополнительным подтверждением сего тезиса является тот факт, что ныне в производстве у следователей и дознавателей одновременно находится одно, максимум два уголовных дела (*причем, не по «мафиозным» делам!*), по крайней мере, такова ситуация в г. Хабаровске. Есть следственные подразделения, которые за месяц не направляют ни одного уголовного дела в суд, и это правда!

К сожалению, реформа МВД несколько запоздала. Она позволила за последние годы сократить аппарат органов МВД на заявленные им 22 %, в то время как пре-

ступность «упала» в Хабаровском крае более, чем на 50 %. Если руководствоваться данными статистики, то тенденции сокращения должны были быть опережающими, чтобы к 2022 году можно было соотнести экономические затраты на содержание МВД и необходимость противодействия разрозненным остаткам преступности.

Подтверждением тому приведём ряд статистических показателей по тем видам преступности, кои всегда были и остаются в арсенале организованных преступных группировок, а также количественные данные о преступности в целом и составе организованных преступных групп (ОПГ) и преступных сообществ (ПС). Для повышения уровня достоверности данные, приводимые ниже, перепроверялись путём перекрёстного сравнения сразу по нескольким формам учёта.

Полагаем, что если на основе имеющейся статистики составить прогноз, то последнего «организованного» преступника нам покажут по каналам цифрового телевидения до 2050 года. В это время Министерство финансов абсолютно обоснованно секвестрирует бюджет МВД и предложит ликвидировать не только подразделения криминальной полиции, но и передать все наружные службы в ведение регионов и перевести сотрудников УВД в статус муниципальных служащих.

Безусловно, преступность — более сложное социально-правовое явление, не поддающееся осмыслению финансистами, бухгалтерами и кассирами от Минфина. Для организации борьбы с преступнос-

Показатель (ф. 122, 126, 491—494)	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Общее количество зарегистрированных преступлений в год	60 593	55 275	44 023	32 321	27 492
Кол-во преступлений, совершённых ОПГ и ПС в Хабаровском крае	1461	761	354	162	139
В т.ч. кол-во преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершённых ОПГ, ПС	256	197	195	95	75
Выявлено лиц, совершивших преступления в составе ОПГ, ПС (в т.ч. по ст. 209 и 210 УК РФ — 15 человек в 2011 году без учёта квалификации по совокупности, т.е. учтены дважды)	313	254	185	127	133

тью недопустимо ограничиваться только статистическим анализом, а для решения вопросов финансирования и кадрового обеспечения недопустимо руководствоваться только принципом экономической обоснованности.

К примеру, статистика свидетельствует, что в Хабаровском крае за год наблюдается всплеск на 33 % разбойных нападений на жилища, помещения, хранилища и на 43 % — угонов автотранспорта. Эта категория была и остаётся в арсенале «дальневосточной мафии». Рецидивная преступность выросла до 60 %, при этом каждый третий подросток, преступивший закон, уже имеет условный срок за предыдущее преступление.

Никакой финансовый мониторинг не укажет на рост корыстно-насильственной уличной групповой преступности в ближайшие два-три года. Только грамотные специалисты уголовного сыска и службы участковых инспекторов могут реально спрогнозировать развитие криминальной ситуации на территории и смогут не только предложить меры профилактики, но и реализовать задачу по защите от преступных посягательств и граждан и тех самых финансистов, бухгалтеров и кассиров. То же самое произойдёт с организованной преступностью.

Двадцать лет тому назад криминологи прогнозировали вхождение преступности (*общеуголовной — прим. автора*) во власть и их участие в принятии управленческих решений. Десять лет назад прогнозировалось укрепление «беловоротничковой» преступности и проявление «голубых» воротничков в криминальных кругах России. Прогнозы подтвердились.

Организованная преступность жива. Она стала более латентной, сменила свою общеуголовную окраску на политизированную, обновила лидеров, внедрилась в экономическую деятельность, испытывающую период декриминализации и должностного попустительства, активно и обыденно использует коррупционную составляющую.

Там, где развивается коррупция, безусловно, обосновалась и организованная преступность. Устойчивость и системность организованных преступных формирова-

ний основана на системных связях властных структур, а состояние коррупции, в свою очередь, демонстрирует широту распространения и глубину проникновения организованной преступности. Именно в интересах организованной преступности извращена сама система правоохранительной деятельности и наглядным примером тому в Хабаровском крае является «борьба» с... коррупцией.

Так, если в целом по Российской Федерации снизилась на 10 % криминальная деятельность коммерческих и иных негосударственных организаций, то в Хабаровском крае прирост числа уголовных дел данной категории за 2011 год составил 1200 % (одну тысячу двести процентов), из которых 600 % приходится на коммерческий подкуп. В то же время взяточничество снизилось на 23 %, а количество взяточдателей составляет 60 % от числа привлечённых к уголовной ответственности.

Безусловно, после того, как в стране был взят курс на борьбу с коррупцией, правоохранительным органам дали возможность, к их удовлетворению, отступить от непосредственной борьбы со взяточниками путём введения в систему отчётности «группы преступлений коррупционной направленности». Теперь, исходя из логики борьбы с преступлениями коррупционной направленности, преступления в сфере коммерческой деятельности следует оценивать, в том числе, как посягательства на нормальное функционирование органов власти.

Всё это ещё раз указывает на политизацию борьбы с преступностью и политизацию самой преступности. На криминальную арену вышли те, кто в собственных интересах активно использует систему государственной власти. И неважно, идёт ли речь о судебной системе при осуществлении недружественных поглощений бизнеса при рейдерских захватах, или использовании средств прокурорского надзора, оперативно-розыскных мероприятий в борьбе с конкурентами. Важно помнить, что первостепенной целью любых организованных преступных формирований, особенно в условиях финансового кризиса, была и остаётся цель получения сверхприбыли при минимизации (отсутствии)

затрат. В условиях стагнации реального сектора экономики, при отсутствии какого-либо производства, достижение указанной цели возможно только в том случае, если все затраты можно переложить, переадресовать структурам, финансируемым из других источников или государственного бюджета.

Так, сотрудники ГИБДД лишились права проверять наличие технического осмотра транспортных средств, предоставив возможность страховым компаниям уклоняться от страховых выплат при отсутствии техосмотра, но теперь обязаны бороться с нелегальными частными извозчиками, дабы защитить экономические интересы фирм, оказывающих услуги такси. Сотрудники подразделений «К» являются ярыми поборниками экономических интересов коммерческих фирм, не производящих, но перепродающих программное обеспечение. Агрессивная кредитная политика банковских структур превосходно защищается системой судебных решений и исполнительных производств, реализуемых службой судебных приставов от экономически необразованных, а посему «недобросовестных клиентов». Для отвлечения внимания обывателей от сути происходящих процессов широкому обсуждению подвергают роль и место коллекторских организаций или говорится о необходимости защиты авторских прав.

К сожалению, примеров использования административного ресурса представителями бизнеса так много, что говорить о коррупционной составляющей уже не актуально, но следует констатировать факт системного использования властных структур различными, ничего не производящими финансовыми группами. Ещё лучше, если под такой псевдобизнес заложена соответствующая нормативная база на региональном, федеральном, или ведомственном уровне, как это происходит, к примеру, с продажей коммерческими структурами систем защиты персональных данных для вузов, принимающих результаты ЕГЭ. Даже откровенное вымогательство коллекторов решено облачить в рамки законной деятельности. В случае принятия закона, разрешающего коллекторскую деятельность, останется только

определить форму и разрешённые методы воздействия — телефонные звонки, утюг, паяльник и бейсбольную битку, а форма может быть традиционной — чёрный кожаный реглан.

В этом случае сама общественная опасность совершаемых действий маскируется под видимость законности. Крайне трудно будет отличить организованную преступность от политики защиты негосударственных «частных» экономических интересов мерами государственного принуждения.

Конечно, политизация редко достигает общегосударственного уровня, ограничивая своё влияние на уровне субъекта федерации, либо осуществляется на уровне ведомств. Как указывалось выше, заказчиками такой вредоносной деятельности становятся финансово-экономические группы, компании, банковский сектор и группы влияния, возглавляемые различными чиновниками.

В связи с этим логично возникает вопрос о том, как отграничить криминал от суррогата возникающих общественных отношений, и применима ли в этом случае правовая оценка экономических последствий. Нельзя, разумеется, относить к преступлениям деяния, не обладающие общественной опасностью, но и нельзя рассматривать только с позиции административного или гражданского права факты причинения многомиллионных убытков гражданам, организациям, предприятиям и государству.

К сожалению, новейшая история России пестрит примерами хищений миллионов бюджетных средств через завышенные контракты и откаты, вывоз средств и вывод активов предприятий за рубеж и их обналичивание, через развал и ликвидацию предприятий на территориях для завоевания очередного рынка московскими монополистами и т.д. Последствия таких действий настолько опасны для общества и экономики регионов, что рассматривать их как эпизод преступной деятельности конкретной преступной группы (в том числе и организованной преступной группы) является ошибкой, недооценкой степени устойчивости и общественной опасности.

Если ранее ОПГ только приобретали связи в органах власти, коррумпировали

чиновников различного ранга и стремились с помощью власти обеспечить себе защиту от правоохранительных органов, то теперь представители власти, взяв на вооружение методы преступного мира, используют систему управления для совершения преступлений и дальнейшего осуществления криминальной деятельности.

В связи с этим уже представляется не столь приемлемой традиционная классификация организованной преступности на ОПГ и ПС.

Так, двусторонняя интеллектуальная связь уже не может быть прослежена между лицами, находящимися в разных субъектах федерации, но совместно совершающими хищения бюджетных средств или действующими в рамках сговора на отмывание преступных доходов. Отдалённость руководства сообществ и организаций, совершающих тяжкие и особо тяжкие преступления от рядовых исполнителей или руководителей среднего (промежуточного) звена может быть настолько велика, что исполнители могут даже не подозревать насколько высок уровень преступного сообщества или от кого исходят указания на совершение убийств и хищений. Изменение уголовного законодательства в части самостоятельной ответственности лица (лидера), занимающего высшее положение в преступной иерархии, ещё больше разрушило стройную систему признаков ОПГ и ОПС.

Это ещё одно основание для пересмотра традиционного подхода к оценке организованных преступных формирований. Теперь сам статус «вора в законе» даёт основание для применения мер уголовной репрессии к лидерам преступного мира, что имеет место в Грузии, но чего ранее не только не было, но и не могло быть в России.

Так, для усиления уголовной репрессии в отношении уже находящихся в местах лишения свободы преступных авторитетов проводились и проводятся проверки их причастности к другим преступлениям. Однако главное для таких проверок — добиться их признания, что они являются пресловутыми общепризнанными авторитетами в преступной среде. Цель — вменение им теперь ч. 4 ст. 210 УК РФ за

участие в любой воровской сходке. Итог такого признания — пожизненная изоляция от общества для признавшегося, а для оперативников ФСИН — ещё одно раскрытие особо тяжкого преступления, что называется, «не выходя из кабинета». Дополнительный «бонус» для администрации колонии — отправка беспокойного «сидельца» в другую колонию.

Возможно, в борьбе с рассматриваемым контингентом все средства хороши, как и применение санкции части 4 ст. 210 УК РФ, где нижний предел остался не тронутым Федеральным законом № 26-ФЗ от 7 марта 2011 года и равен пятнадцати годам лишения свободы.

Таким образом, при определении организованной преступности следует вновь обратиться к понятию организованного преступного формирования, включающего в себя как привычные общеуголовные группы и сообщества, так и группы, организации, структурные подразделения и предприятия. Главное для них — наличие устойчивых связей, включаемых всякий раз, когда целью является личное обогащение или обогащение группы, сообщества или организации. При этом связи руководителей организаций, совершающих различные преступления, могут быть в рабочее время вполне официальными, равными или соподчинёнными, а в «вечернее» время — криминальными.

Примером тому являлась т.н. «третья смена» Приморья и являются т.н. «сироты со Светланской» (речь идёт о сотрудниках администрации края — *прим. авт.*). Остаётся только надеяться, что в ближайшем будущем будет, наконец, наведён порядок во власти Приморья, и бизнес будет отделён от чиновников и защищён от вечной процедуры передела собственности.

Во многих случаях трудно обнаружить криминальность задач, которые решаются с использованием таких связей. К примеру, рейдерские захваты предприятий изначально не имеют ничего общего с процедурами оздоровления, улучшения функционирования или совершенствования системы управления предприятиями. Совершаются такие «набеги» с привлечением частных охранных предприятий и не без участия судебных органов, а порой

с привлечением вооружённых судебных приставов. По сути такой «отъём» собственности необходимо относить к сфере криминального передела, хотя внешне всё выглядит правомерно. При этом заказы на совершение таких переделов формируются не у «воров в законе», не у лидеров ЧОПов, совершающих силовой захват объектов и не у юристов-крючкотворов «навалного» типа, а в высоких и не столь высоких кабинетах чиновников, включившихся в процесс передела собственности.

Наше резюме. Организованная преступность на Дальнем Востоке России не только подстроилась под окружающую обстановку, под систему судебных и правоохранительных органов, но, после «вхождения во власть», переродилась и имеет иной исходный код. Это теперь не старые воровские традиции, а административно-командная система, замкнутая на интересы устойчивой локальной группы, объединённой идеей извлечения сверхприбыли из статуса группы, клана, тейпа, уровня властной вертикали их руководителя.

Бывшие криминальные авторитеты, имеющие опыт нахождения в местах лишения свободы, постепенно теряют авторитет даже на низовом уровне. Сидеть «от звонка до звонка» уже не модно. Лидер организованного преступного формирования — это уже не синий от тюремных наколок человек, а чиновник, не понимающий ни слова на «фене», но прекрасно знающий и использующий в своих целях возможности системы власти. Существовавшие пять — десять лет тому назад ответственные от общаков в районах, дворах, учебных заведениях также сегодня уже не определяют криминальную ситуацию на подведомственной территории. Жизненно важной задачей для воров в законе и «положенцев» теперь является сохранение жизни на свободе, а не участие в управленческой деятельности.

На Дальнем Востоке России прослеживается именно такой сценарий развития организованной преступности на фоне общеуголовной преступности и жалкого существования, прозябания прежней ор-

ганизованной преступности криминальных авторитетов из числа воров в законе и «ответственных».

Если ранее преступные формирования старались заручиться поддержкой руководителей органов исполнительной власти, найти покровителей в УВД или Следственном управлении СКП РФ, то теперь работники правоохранительных органов и чиновники сами руководят своими формированиями в достижении тех же целей обогащения. Лидеров нынешних организованных преступных формирований следует сегодня искать не на хазах и малинах, а в кабинетах муниципалитетов и правоохранительных органов. Чаще всего, это свежие лица, приехавшие на Дальний Восток за новыми должностями, либо местные, но освоившие свои кабинеты еще с горячих 90-х годов ушедшего века.

Общеуголовный криминал вытеснен из сферы бизнеса и системы управления на улицу. Пока ему оставлена сфера распространения наркотиков и угонов машин, совершения грабежей, разбоев и квартирных краж, уличный рэкет и совершение мошенничества в отношении граждан. Но не более того.

Более «доходные» сферы деятельности, такие как хищения бюджетных средств и обогащение за счёт муниципальной собственности, оказание платных услуг населению с последующим изъятием дохода и осуществление нелегальной внешнеэкономической деятельности, добыча и вывоз за рубеж морепродуктов и леса, извлечение сверхдоходов от оборота углеводородов, энергоносителей, драгметаллов и многое другое находится по-прежнему под жёстким контролем отдельных лиц из органов власти, входящих в теневые финансово-экономические группы и группы влияния.

Анализируя приведённые процессы и тенденции современной организованной преступности, приходим к выводу, что теперь не известный «дальневосточный воровской общак», а иные по характеру организованные преступные формирования представляют основную опасность для Дальнего Востока России.